

Сибирский пакет

Радугин В.М.

Валерий Радугин

Сибирский пакет

<https://litres.ru/74137942>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический приключенческий роман о долге, настоящей дружбе и опасном пути к истине на бескрайних просторах Российской империи. Молодой корнет Конной гвардии Алексей Ордынцев получает опаснейшее задание: доставить секретный правительственный пакет в Тобольск, лично в руки губернатору Сибири. На кону судьба всесильного купца Зырянова, который держит в страхе весь регион. Узнав о пакете, купец открывает на него беспощадную охоту. Сквозь метели, засады, предательства и смертельные опасности корнету предстоит проехать тысячи верст по Сибирскому тракту.

Содержание

Глава 1. Времена Анны Иоанновны	4
Глава 2. Корнет	6
Глава 3. Срочный вызов	8
Глава 4. Король Сибири	12
Глава 5. Сборы	14
Глава 6. Ночной гость	16
Глава 7. Отъезд	19
Глава 8. Первый бой	21
Глава 9. Карта судьбы	24
Глава 10. Купцы-гонцы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Радугин

Сибирский пакет

Глава 1. Времена Анны Иоанновны

Февраль 1730 года в Санкт-Петербурге выдался на редкость жестоким. Ветер с Балтики не просто дул, он резал лицо, словно бритва, смешивая колючий снег с прибрежным песком. Город, едва отметивший четверть века, казался огромной, неудобной стройкой, застывшей во льдах. На Неве трещали торосы, а в домах знати, несмотря на огромные изразцовые печи, по углам гуляли сквозняки. На российском престоле восседала Императрица Анна Иоанновна. Анна Иоанновна была родной племянницей Петра I. Её отцом был Иван V, старший брат. Соправитель Петра I. Её матерью была царица Прасковья Фёдоровна (Салтыкова).

Анна Иоанновна взошла на российский престол в 1730 году. После внезапной смерти юного императора Петра II (внука Петра I) мужская линия династии пресеклась. Члены Верховного тайного совета все их просто называли «верховники». «Верховники» пригласили Анну, которая на тот момент была вдовствующей герцогиней Курляндской и проживала в Митаве. Приглашая Анну, «верховники» заставили её подписать специальный документ — «Кондиции», которые се-

рзезно ограничивали её самодержавную власть в пользу аристократии. По прибытии в Москву в феврале 1730 года, опираясь на поддержку гвардии и среднего дворянства, Анна публично разорвала «Кондиции», восстановив полное самодержавие. Период её правления (1730–1740 гг.) вошел в историю под названием «бироновщина», по имени её фаворита Эрнста Иоганна Бирона.

Взошедшая на престол императрица Анна Иоанновна только обживалась в Зимнем дворце — деревянном, наскоро перестроенном после смерти Петра II. Власть менялась, и вместе с ней менялся воздух Петербурга: он пропитался запахом страха, пороха и немецкого табака, который так любил всесильный фаворит Эрнст Иоганн Бирон.

В коридорах Зимнего дворца, где еще пахло свежей стружкой и дорогой пудрой, шаги гвардейцев отдавались гулким эхом. Анна Иоанновна не любила Петербург — этот город напоминал ей о суровом дяде Петре I, который когда-то выдал её, молодую царевну, замуж за хилого курляндского герцога и фактически обрек на годы полунищего вдовства на чужбине.

Однако за её спиной всегда маячила тень. Бирон, худощавый и резкий, привез с собой в Россию холодную деловитость и подозрительность. При нём Тайная канцелярия заработала с удвоенной силой. Шепот в кабаках, неосторожное слово офицера за бокалом вина или косой взгляд вельможи — всё становилось поводом для «слова и дела».

Глава 2. Корнет

Давайте познакомимся с нашим героем. Алексей Петрович Ордынцев, корнет Конной гвардии. В свои двадцать два года был юношей статным, с лицом открытым и глазами цвета серых невских волн. Он принадлежал к тому поколению молодых дворян, которых Петр Великий отправлял учиться навигации и артиллерии, и которые теперь, при новой власти, чувствовали себя не у дел. Семья его была не из богатых, но древнего рода, и Алексей дорожил честью мундира больше, чем кошельком.

Семья Ордынцевых принадлежала к старинному, но обедневшему дворянству, которое служило короне не ради поместий, а по врожденному чувству долга. Глава семейства, Петр Николаевич Ордынцев, был полковником в отставке. Его кабинет всегда пахнул табаком, старой кожей и оружейным маслом. Именно здесь Алексей провел свое детство, слушая не сказки, а отчеты о баталиях.

Отец всегда говаривал:

— Помни, Алешка, мундир можно запачкать грязью, но нельзя бесчестьем. Пакет с приказом — это не бумага, это воля Государыни. Потеряешь пакет — потеряешь голову. Если предашь присягу — потеряешь душу. Отец сам готовил сына к гвардейской службе, лично проверяя его фехтовальные выпады и умение держаться в седле.

Анна Владимировна, мать Алексея, была душой дома. Она пыталась привить сыну любовь к музыке и французской поэзии. Алексей предпочитал чертить карты укреплений.

Семья Ордынцевых была бы неполной без верных слуг. Тех, кто делил с ними и скудный хлеб, и радости побед. Их было двое, старый Савелий Кузьмич и молодой Митька. Старый Савельич служил еще деду Алексея. Он был из тех слуги, который считает своего барина ребенком даже тогда, когда тот командует взводом. Постоянно ворчал на «непутевость» молодого корнета, но в минуту опасности вставал перед ним, закрывая собой, не раздумывая ни секунды. Его главным сокровищем был старый медный котелок и заветная бутылка с травяной настойкой «от всех недугов».

Митька, сын конюха. Вместе с Алексеем лазали по деревьям в детстве. Веселый и невероятно преданный. За этой преданностью скрывалась готовность отдать жизнь за барина. Он умел разжечь костер из мокрого хвороста и найти дорогу там, где ее не видел даже картограф.

Глава 3. Срочный вызов

Этим утром Алексея разбудил нарочный. Нарочный протянул записку. Короткая записка от полковника гласила:

«Быть в кабинете к трем часам пополудни. Срочно».

Савельич ворча чистил мундирный кафтан.

— Не к добру это, Алексей Петрович. Ой не к добру. Туда просто так не зовут. Либо в кандалы, либо на войну.

Алексей, затягивая поясной ремень ответил:

— Полно тебе, старик. Может, повышение?

Савельич сплюнул на пол и тут же вытер сапогом.

— Какое повышение при немцах-то. Они своих везде ставят. А нашему брату шиш.

В три часа Ордынцев уже стоял у кабинета полковника. Гвардейцы у дверей, одетые в новую форму на прусский манер, окинули его равнодушными взглядами. Время тянулось томительно. Наконец, тяжелая дубовая дверь отворилась, и сухой, худой чиновник с длинным пером за ухом поманил его пальцем.

В кабинете было натоплено. За огромным столом, заваленным картами и бумагами, сидел полковник. Он поднял глаза на Алексея и спросил:

— Алексей Ордынцев? Сын Петра Ордынцева?

Голос полковника скрипел, как несмазанные колеса телеги.

— Так точно, Ваше Сиятельство.

— Добрый офицер. Хорошо его помню. Надеюсь, и сын не хуже.

Полковник потянулся к ящику стола и достал оттуда увесистый кожаный пакет, запечатанный пятью крупными сургучными печатями с имперским орлом. Он положил его на стол перед Алексеем.

— Слушай внимательно, корнет. Моим указом ты назначаешься специальным государевым курьером. Твоя задача — доставить этот пакет в Тобольск, лично в руки губернатору Сибири князю Черкасскому.

Алексей почувствовал, как сердце екнуло. Тобольск! Сибирь! Это месяцы пути в снегах, среди диких зверей и еще более диких людей. Но отказываться было нельзя.

— Срок доставки. Как можно скорее. Дорога каждая минута. В пакете — ревизские сказки и показания свидетелей по делу Тобольского купца первой гильдии Зырянова. Ты слышал это имя?

— Никак нет, Ваше Сиятельство.

— Это "Король Сибири". Он держит в руках всю торговлю пушниной, водкой и солью. Он подкупил половину тобольской канцелярии и обкрадывает казну на миллионы рублей ежегодно.

Полковник показал на пакет и продолжил:

- Но теперь у нас есть доказательства. Если эти бумаги доедут до Тобольска. Зырянов и все его люди отправятся на

плаху.

Полковник встал и подошел к окну, за которым сгущались сумерки.

— Ты должен понимать, Ордынцев. Зырянов — не просто вор. Это зверь, загнанный в угол. Его люди есть и здесь, в Петербурге. Как только он узнает, что пакет отправлен, за тобой начнется охота. Он не пожалеет денег, чтобы этот пакет исчез вместе с твоей головой.

Алексей твердо произнес сжимая рукоятку шпаги:

— Я готов отдать жизнь за Государыню.

— Жизнь твоя мне не нужна, мне нужен пакет в Тобольске,

Полковник повернулся к нему, его взгляд был холоден и пронизателен.

— Будь осторожен. Не верь ни в чью дружбу, ни в чье гостеприимство. Не останавливайся на крупных постоянных дворах без нужды. Выезжай сегодня же в ночь, не дожидаясь рассвета. Твоя подорожная готова. Возьми в помощь денщика и еще одного слугу. Пошел.

Алексей взял портфель. Он оказался на удивление тяжелым. Прижав его к груди, он вышел из кабинета. Снаружи стемнело. Метель разыгралась с новой силой. Алексей торопливо шагал по скрипучему снегу, пряча лицо в воротник епанчи. Город, казавшийся утром просто холодным, теперь виделся ему полным враждебных теней. За каждым углом, за каждым сугробом ему чудился наемный убийца, подослан-

ный всемогущим сибирским купцом. Охота началась.

Глава 4. Король Сибири

Кабинет Зырянова Никифор Федорович. Зырянов грузный мужчина с цепким взглядом из-под кустистых седых бровей — сидел за массивным столом из мореного дуба. Перед ним стоял запечатанный сургучом конверт, доставленный нарочным из самого Петербурга. Зырянов не спешил его открывать. Он медленно потирал пухлые пальцы, на одном из которых тускло поблескивал перстень с редким уральским изумрудом. Наконец, коротким резким движением он вскрыл письмо серебряным ножом. Прочитал письмо, которое заканчивалось так:

«...Верные люди сообщают: корнет Алексей Ордынцев выехал в Тобольск. С собой везет пакет. В пакете — доносы ваших бывших приказчиков и ревизские сказки. Если бумаги попадут в руки губернатора — вам конец. Ордынцев молод, горяч, но честен до глупости. Договориться не удастся. Надо решать вопрос в пути. Я попробую перехватить его по дороге. Если он пройдет Камень то встречай ты его.»

Зырянов скомкал лист. Лицо его пошло багровыми пятнами. Столько лет он выстраивал свою империю. И теперь какой-то «молодой да честный» офицер может превратить его золото в кандалный звон? Зырянов швырнул бумагу в камин.

— Ефим! — гаркнул он, не оборачиваясь.

Из тени за спиной хозяина бесшумно, выступил человек в длинном кафтане. Это был Хмурый — правая рука Зырянова. Его в округе боялись больше волков

— Едет корнет. Везет бумаги. Эти бумаги важнее его жизни. Слушай мой приказ: перехватить на тракте. До Тобольска не допускать. Но сделай всё чисто, без лишнего шума, чтобы на разбойников списали.

Хмурый едва заметно кивнул. В его глазах блеснул холодный огонек.

— Не беспокойтесь. Подпоручик до губернатора не доедет.

Зырянов снова повернулся к камину, глядя, как синее пламя пожирает остатки петербургского доноса.

— Ступай. И помни: если Березин довезет пакет, я упаду не один. Ты пойдешь следом.

Хмурый вышел. Зырянов закурил трубку.

Глава 5. Сборы

Вернувшись в свою тесную квартиру на Васильевском острове, Алексей первым делом бросил кожаный пакет на дубовый стол. Тяжелый шлепок сургучных печатей о дерево прозвучал в тишине как выстрел. Алексей крикнул он, сбрасывая заиндедевешую епанчу:

— Савельич! Собирай сундуки. Уезжаем.

Из кухни, вытирая руки о засаленный фартук, вышел Савелий. Старик нахмурился и спросил:

— Куда ж в такую метель, барин? Кони копыта побьют, да и почтовый тракт занесло, поди.

— В Тобольск, Савельич. По государеву делу. И медлить нельзя ни часу.

Старик замер. Слово «Тобольск» подействовало на него сильнее, чем окрик офицера. Он перекрестился на темную икону в углу и, ничего не сказав, принялся готовится к отъезду. Савельич знал: если барин так бледен, значит, дело пахнет не только Сибирью, но и порохом. В это время в комнату ввалился Митька, денщик Алексея. Митька так широко улыбнулся, что показались крепкие белые зубы.

— Барин! Там на конюшне говорят, нам подорожную до самого Камня выписали? Неужто за соболями едем?

— Не за соболями, Митька, а по делу. Беги на конюшню, отбери двух лучших рысаков для саней и своего мерина

оседлай. Проверь, чтобы кремни в пистолях были сухими.

Пока слуги суетились, Алексей присел к столу. Он смотрел на пакет и думал о том, как странно распорядилась судьба. В свои двадцать два он уже успел понюхать пороху на войне. Тайная война, где враг не носит мундира и бьет в спину, была ему в новинку. Он чувствовал себя одиноким в этом огромном городе, где даже стены имели уши купца Зырянова.

Савельич подошел тихо, положив руку на плечо Алексея и сказал:

— Барин, я в подкладку вашего дорожного кафтана зашил два золотых червонца. На крайний случай. И пакет этот... не держите его на виду. Я для него мешок из овчины сшил, на вид ровно сухари везем.

Алексей благодарно кивнул. У него были лучшие помощники: опыт и осторожность старика Савельича и молодая дерзость Митьки. Но хватит ли этого, чтобы одолеть тысячи верст и легион наемников?

Глава 6. Ночной гость

Митька стоял у порога держа в руках тяжелый дорожный фонарь

— Готово, Алексей Петрович! Кони заложены, снег утихает. Пора!

Ордынцев в последний раз оглянул свою скудную комнату, перекрестился и, прижав «сухари» к груди, шагнул в холодную петербургскую ночь. На выходе из переулка он не заметил тени, которая отделилась от стены дома напротив и бесшумно последовала за их санями.

Сани уже стояли у крыльца, паря густым лошадиным дыханием в морозном воздухе. Савельич придирчиво осматривал полозья. Алексей уже занес ногу над подножкой, как вдруг из метели, словно соткавшись из самого снега, вылетел всадник. Конь под ним был в мыле, бока тяжело вздымались, а сам седок едва держался в седле. Раздался хриплый, сорванный голос.

— Стой! Ордынцев, стой, за ради Христа!

Алексей мгновенно положил руку на рукоять пистолета, торчащего из-за пояса. Митька выронил мешок и присел, нащупывая в санях топорик. Но всадник соскочил на землю, едва не упав, и откинул капюшон тяжелой епанчи.

Алексей выдохнул, узнав своего давнего товарища по кадетскому корпусу, поручика гвардии Петра Волкова.

— Петр? Ты откуда в такой час? И в таком виде?

Волков выглядел непривычно для лощеного гвардейца: мундир расстегнут, парик сбился набок, лицо бледное, с лихорадочным блеском в глазах. Он схватил Алексея за рукав и оттащил в тень дома, подальше от света. Он зашептал, оглядываясь на пустую улицу.

— Слушай меня, Алешка, времени нет. Я из кабака, там сегодня купеческие приказчики гуляли. Пили много, языки развязали. Среди них был человек Зырянова, рыжий такой, с метиной на щеке.

Петр судорожно сглотнул, пытаясь перевести дух.

— Он хвастал, что «птичка вылетает из гнезда», и что «крылья ей подрежут еще до Москвы».

Алексей понял Волков не зря гнал своего коня.

— Они знают про пакет, Алексей! Знают, что ты везешь его один. У них на каждой почтовой станции свои люди: ямщики, целовальники, дозорные. Зырянов скупил тракт, понимаешь?

Алексей почувствовал, как холод пробежал по спине, и это был не холод петербургской ночи.

— Как они могли узнать? Я только три часа назад был у полковника!

Волков горько усмехнулся:

— Стены в Канцелярии из воска слеплены, всё слышат, Твой выезд — для них сигнал. Они не будут ждать Сибири. Тебя попытаются перехватить на первом же ночлеге, где ты

расслабишься.

Петр вытащил из-под плаща предмет, завернутый в промасленную тряпицу, и сунул его в руки другу.

— Возьми. Это мой кинжал, сталь дамасская, дед из ту-рецкого похода привез. Он не подведет, если шпага слома-ется. И вот еще...

Он протянул запечатанный воском листок.

— Здесь имена троих ямщиков на Валдае и под Новгоро-дом, которым можно верить. Они мне жизнью обязаны. Ищи их, если прижмет. И не смей останавливаться на больших постоянных дворах! Лучше в лесу замерзнуть, чем в теплой постели горло подставить.

Алексей крепко сжал руку друга.

— Спасибо, Петр, Век не забуду.

— Доедь живым!

Волков тяжело вздохнул и снова вскочил в седло.

— Если бумаги не доставишь, Зырянов нас всех сожрет. Прощай!

Гвардеец исчез в снежной круговерти так же быстро, как и появился. Алексей постоял минуту, глядя на кинжал в руках. Чувство легкого приключения, которое еще теплилось в нем, окончательно испарилось. Теперь он понимал: он не просто курьер. Он — дичь, на которую объявлена охота.

Глава 7. Отъезд

Алексей проводил взглядом друга и повернулся к слугам. Он стал отдавать приказания. Голос Алексея зазвучал по-новому, жестко и по-военному.

— Савельич! Подорожную перепрятать в сапог.

Старик почуяв перемену в барине, серьезно ответил:

— Слушаюсь, Алексей Петрович.

— Митька, садись на козлы, Выезжаем не через Московскую заставу, пойдем кружным путем через лес, пока след не заметем.

Митька кивнул. Алексей добавил:

— Пакет я положу под камзол, на грудь. Пистолы держи под рукой.

Сани дернулись, скрипнули полозья, и маленькая группа растворилась в белом мареве, оставляя позади огни Петербурга, которые теперь казались не родными, а предательскими.

Первые три дня пути превратились в бесконечное чередование белой мглы и коротких остановок. Алексей велел обходить крупные ямские станции, выбирая для отдыха малые деревеньки, затерянные в лесах за новгородским трактом.

Напряжение росло с каждой верстой. Алексей почти не спал: чутко прислушивался к каждому шороху за стенами крестьянских изб, сжимая в кармане рукоять дамасского

кинжала.

Пакет с печатями, примотанный холщовыми лентами к груди под камзолом, казался раскаленным свинцом — он давил, натирал кожу и постоянно напоминал о своей опасной ценности.

Митька, обычно словоохотливый, притих. Он часто оглядывался на дорогу, хмуря густые брови. Даже Савельич, старый солдат, теперь не выпускал из рук тяжелую дубовую палку с набалдашником, в который был залит свинец.

Глава 8. Первый бой

На исходе третьего дня они выехали на открытый участок Ладожского тракта. Савельич повернулся и шепнул:

— Барин. За нами двое. На легких санях. Вторые сутки версту выдерживают. То приблизятся, то отстанут.

Алексей обернулся. В сумерках, на самом краю горизонта, действительно чернела точка. Он коротко бросил:

— Пороха не жалеть. Если пойдут на сближение, то стрелять без предупреждения.

К вечеру началась метель, такая густая, что вытянутой руки не было видно. Кони пошли шагом, фыркая и проваливаясь в сугробы. Дорога сузилась, зажатая с обеих сторон вековыми елями, чьи лапы под тяжестью снега походили на сторбленные фигуры. Вдруг Митька дико закричал:

— Засада!

Из-за заснеженных елей, прямо перед мордами коней, выскочили четверо. Это не были лесные разбойники в рванье. На нападавших были добротные овчинные тулупы и надвинутые на глаза шапки, а в руках блестели не топоры, а кавалерийские сабли. Один из них, хватая ведущую лошадь под уздцы, прохрипел:

— Стой! Бумаги оставь!

Митька, не раздумывая, выстрелил из пистолета. Один из нападавших охнул и свалился в снег. Но трое оставшихся

уже лезли на сани. Алексей выхватил шпагу, отражая удар тяжелого тесака. Сталь лязгнула о сталь. Савельич отбивался палкой, сбросив одного из врагов под полозья.

Алексея повалили на спину, чьи-то сильные пальцы впились в горло, пытаясь добраться до заветного пакета под камзолем. Над ним блеснул нож.

Корнет шептал:

— Господи, помилуй...

В этот миг лесную тишину разорвал резкий, пронзительный звук рожка. А следом — залп, от которого содрогнулись деревья.

— Пли! — раздалась команда.

Разбойник, прижимавший Алексея, дернулся и обмяк. Пуля вошла ему в сердце. Оставшиеся нападавшие, видя, как из леса вылетает конный отряд в зеленых мундирах, бросились в чащу, бросая раненых.

К саням подлетел офицер на статном жеребце. Это был разъезд армейского пехотного полка, патрулировавший дорогу. Он спросил Алексея:

— Живой, ваше благородие?

Алексей поднялся, тяжело дыша и вытирая лицо снегом. Сердце колотилось в горле. Митька, бледный как полотно, ощупывал простреленное плечо, а Савельич судорожно крепился.

Корнет прохрипел:

— Чудом... чудом успели!

Он покосился на лежащих в снегу наемников Зырянова.

— Если бы не ваш патруль, господин поручик, сибирский пакет не доехал бы и до Волги.

Офицер посмотрел на подорожную Алексея и козырнул.

— Мы тут за шайкой беглых охотимся, да видно, на серьезных людей наткнулись. Ваши «гости» — не простые та-ти.

Офицер носком сапога перевернул убитого

— У этого, глядите. Под тулупом шелковый жилет. Приказчики чьи-то, не иначе.

Офицер откозыряв и ускакал вслед за своим отрядом. Алексей понял:

— Зырянов начал игру по-крупному.

Алексей вспомнил Волкова.

— Первое предупреждение Петра сбылось — купец не собирался ждать.

Глава 9. Карта судьбы

После стычки в лесу отряд заночевал. Алексей не мог сомкнуть глаз. Он разложил на грубой доске столе карту Российской империи — огромный лист пожелтевшей бумаги, испещренный ломаными линиями рек и названиями городов, которые теперь казались ему этапами долгого. Савельич подливал в кружки горячий чай, а раненый в плечо Митька, стиснув зубы, наблюдал, как барин водит пальцем по чернильному следу тракта. Алексей тихо произнес:

— Посмотри сюда, Савельич. Нам предстоит пройти всю Россию насквозь. Почти три тысячи верст по льду и бездорожью.

Алексей начал отсчитывать города, каждый из которых мог стать для них ловушкой:

1. Новгород Великий: Первая крупная преграда. Город купеческий, вольный, где у Зырянова полно торговых связей. Там нельзя задерживаться ни на час.

2. Вышний Волочёк и Тверь: Здесь дорога сворачивает к Волге. Путь оживленный, много лишних глаз. Именно тут, по слухам, Зырянов держит своих самых быстрых гонцов.

3. Москва: Сердце страны. Огромный муравейник, где легче всего затеряться, но и легче всего получить нож в спину в темном переулке у Яузских ворот.

4. Владимир и Нижний Новгород: Спуск к великой реке.

Отсюда начинается настоящий «дикий» восток. За Нижним заканчиваются обжитые земли и начинаются бескрайние леса.

5. Казань: Старая крепость. Здесь нужно будет сменить лошадей на более выносливых, степных. В Казани перекрещиваются пути Востока и Запада.

6. Кунгур и «Камень»: Самый тяжелый участок. Подъем в горы, где тропы узки, а завалы — дело обычное. За Уралом начинается официальная Сибирь.

7. Тюмень: Первый город Сибири. Отсюда до цели остается последний рывок.

8. Тобольск: Конечная точка. Столица Сибирской губернии, стоящая на высоком берегу Иртыша. Город, где власть губернатора велика, но власть золота Зырянова может оказаться еще сильнее.

Савельич, глядя на карту подал голос.

— Барин. Это ж сколько месяцев пути? К весне дай бог доберемся, когда лед на реках тронется.

— У нас нет месяцев, Савельич,

Алексей вздохнул

— Полковник сказал: «как можно скорее». Мы пойдем «на перекладных», меняя коней на каждой станции, не дожидаясь рассветов.

Митька тяжело вздохнул:

— После того, что в лесу было, страшно думать, кто нас в этих городах ждет. Казанские татары, сибирские разбойни-

ки... А купец-то небось уже везде весточки разослал.

Алексей сложил карту.

— Враг знает их маршрут. Тракт один, и свернуть с него в зимней тайге — значит погибнуть от холода. Единственный шанс — быть быстрее и хитрее.

Слуги в один голос ответили:

— Верно!

Ордынцев встал и скомандовал

— Завтра выходим на Вышний Волочѣк,

Алексей посмотрел на денщика.

— Митька, если рука позволит — бери вожжи.

Митька ответил:

— Ничего! Сдюжу!

Алексей повернулся к старику:

— Савельич, проверяй запасы сухарей и пороха. Мы вступаем в земли, где закон — это сабля, а судья — тайга.

— Слушаюсь, Алексей Петрович.

Глава 10. Купцы-гонцы

Новгород встретил их колокольным звоном и нездоровым оживлением. Город, стоящий на перекрестке торговых путей, бурлил: купцы со всей Руси и иноземные гости в лисьих шубах заполняли Торговую сторону. Алексей сказал:

— Въезжать в город в офицерском мундире после лесного нападения — значит выставить себя живой мишенью на лобном месте.

У заснеженной околицы Ордынцев приказал.

— Стой, Савельич.

— Что случилось!

— В город не идем. В этой одежде нас сразу узнают. Жди тогда нож в спину.

Алексей огляделся:

- Сверни к тому сараю.

В заброшенном сарае, под завывание ветра, гонцы переоделись. Алексей сбросил гвардейский кафтан и треуголку. Взамен он надел тяжелый, подбитый овчиной купеческий тулуп, перепоясанный широким кушаком. На голову водрузил лисью шапку, надвинув ее на самые глаза.

Савельич обрядился в поношенную чуйку, выглядя как степенный приказчик, а Митька, несмотря на боль в плече, накинул армяк, превратившись в бойкого ямщика-подручного.

Хмыкнул Митька, оглядывая Алексея

— Ну, барин. Теперь вы не корнет, а вылитый Еремей свет-Петрович, торгующий пенькой да воском.

— Это хорошо!

Митька заметил:

— Только спину-то согните, больно уж осанка у вас офицерская!

— Спасибо за совет! Об этом я не подумал.

Алексей еще рас осмотрел свой наряд. Потом приказал:

— Вперед! Мои купцы-гонцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.